

**ВОСТОЧНОАЗИАТСКИЕ ДИАСПОРЫ
СОВРЕМЕННОГО МЕЛЬБУРНА
КАК ПРИМЕР ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ ОБЩИН**

Считается общепризнанным, что одним из наиболее характерных проявлений глобализации являются миграции населения. Только в тихоокеанском регионе к концу XX в. насчитывалось примерно 3 млн азиатских иммигрантов. При этом на каждого иммигранта, покинувшего родину в поисках более благоприятных условий труда, приходится от 2 до 5 членов семьи, оставшихся на территории родного государства, но живущих в основном на те деньги, что им посылает кормилец семьи [Castles S. Migration as a factor in social transformation in East Asia...]. С начала 1990-х гг. миграцию, при которой семьи переселенцев разделены и проживают как минимум в двух странах — на своей родине и государстве-реципиенте, американские исследователи стали называть транснациональной миграцией. Первоначально они изучали феномен, который получил название *transnational practices*, т.е. транснациональный опыт. Именно от названия этого феномена возник термин «транснациональная миграция». Тогда же был введен в оборот термин «транснациональное социальное пространство» (ТСП). Американский антрополог Линда Баш дает следующее определение транснациональной миграции — «это процессы, с помощью которых иммигранты создают и поддерживают сложные социальные связи, соединяющие общество их родины с обществом страны-реципиента» [Levitt P., Nyberg-Sørensen N. The transnational turn in migration studies...]. Таким образом, и та и другая среда становятся единым объектом для исследования и никак не могут рассматриваться отдельно друг от друга.

Сторонники транснационального подхода требуют отказа от методологического государствоцентризма, т.е. отрицания того, что все социальные процессы, даже рассматриваемые на международном уровне, возможны только в рамках страны. Необходимо отвлечься от страны-донора и страны-реципиента в пользу тех процессов, которые происходят, так сказать, меж границ, т.е. речь идет о том, что западные ученые называют *cross-border livelihoods*. При наличии современных средств транспорта и связи транснациональное социальное пространство возникает вне государственных границ стран, соединяя людей, находящихся, возможно, в разных точках земного шара [Portes 1999].

Профессор университета в Билефельде (Германия) Томас Фейст выделяет основные типы ТСП, уже существующие и изучаемые в современном мире: семейные группы, исследовательские ассоциации, транснациональные сообщества, транснациональные организации [Faist T. *Transnationalization in international migration...*]. В данном сообщении будут приведены сведения о транснациональных сообществах иммигрантов из Восточной Азии, проживающих в Австралии. Следует подчеркнуть, что большинство этих сообществ могут рассматриваться именно как транснациональные общины, поскольку в Австралию попадает обычно лишь часть членов семьи: муж-отец семейства, старший сын или некоторые из сыновей и дочерей. И даже если в Австралию попадает сразу несколько членов семьи, то часть ее все равно остается на родине. Кроме того, иммигранты далеко не всегда собираются остаться (или чаще им далеко не всегда удается остаться) в Австралии.

Крупные города Австралии всегда привлекали огромное количество иммигрантов из различных стран Восточной и Юго-Восточной Азии: КНР, Индонезии, Филиппин, Таиланда, Малайзии, Южной Кореи. Одним из наиболее привлекательных городов для иммигрантов остается Мельбурн. По данным переписи населения Мельбурна за 2006 г., число граждан, рожденных за пределами Австралии и переехавших в страну в период с 2001 по 2006 гг., составило: 4009 человек из Малайзии, 2671 — из Индонезии, 1153 — из КНР, 1142 — из Сингапура, 1064 — Гонконга и 221 — из Южной Кореи [Census 2001 to 2006...]. Недавно прибывшие иммигранты являются категорией, наиболее благоприятной для исследования в контексте транснационализма ввиду еще не ослабших связей с родной страной.

Если говорить о филиппинцах, то сегодня Филиппины являются одним из ведущих экспортеров рабочей силы в мире: более 1/10 населения Филиппин проживает в других странах. Филиппинцы стремятся уехать в первую очередь в США, а затем уже в Канаду и Австралию. Иммиграция филиппинцев в Австралию значительно усилилась в 1980-е гг., пик пришелся на период 1987–1988 гг. [Там же]. По данным переписи населения Австралии, в 2001 г. на территории страны проживало 103 990 тыс. иммигрантов, уроженцев Филиппин, средний возраст которых составлял 40 лет. Примерно 73 % филиппинцев, проживающих в Австралии, относятся к разнорабочим. 5 % занимают должности менеджеров, примерно 10 % заняты в торговле [Philippines-born Community Information Summary...]. В филиппинской диаспоре работают многие из женщин. Филиппинки находят применение своему труду в сфере занятости, традиционно принадлежащей женщинам: домработницы,

персонал отелей и ресторанов, работники конвейерных линий и т.п. Филиппинцы как дешевая рабочая сила пользуются спросом в Австралии, поскольку коренные белые австралийцы неохотно берутся за «черную» и низкооплачиваемую работу. Филиппинцы же не столь привередливы, с ними легче договориться и, кроме того, многие из филиппинцев сносно говорят по-английски.

По мнению ряда исследователей, например профессора М. Абеллы, филиппинская диаспора носит отчетливо транснациональный характер, поскольку для многих филиппинских семей эмиграция — не только вынужденная, но и временная мера. Переезд части членов семьи в Австралию дает возможность сравнительно быстро улучшить материальное положение семьи или получить хорошее образование с тем, чтобы затем более успешно устроить свою жизнь на родине [Abella 1995: 418–423].

Сегодня на территории Австралии проживает примерно 150 тыс. вьетнамцев, большая часть которых перебралась на Зеленый континент в период войны во Вьетнаме. Всего начитывается три главные иммиграционные волны вьетнамцев в Австралию: первая началась в 1975 г. и включала тех, кто стремился получить образование в Австралии, а также беженцев. Вторая волна пришлась на период 1978 г., когда многие вьетнамцы бежали из своей страны, спасаясь от нищеты, и на лодках добирались до Австралии. Многие из них были переправлены в Малайзию и Индонезию, но были и те, кто смог остаться в Австралии. Третья волна началась в 1992 г. и связана в основном с воссоединением семей [Jakubowicz A. Vietnamese in Australia...].

Данные переписи населения за 2006 г., свидетельствуют, что 78 % вьетнамского населения Мельбурна говорят между собой исключительно на вьетнамском языке и только 2 % стараются использовать английский [City of Melbourne 2006...]. Стоит также отметить, что вьетнамцы очень плохо приспосабливаются к английской речи, из-за чего часто возникают проблемы с трудоустройством.

Вьетнамцы заняли западные районы Мельбурна, стараясь селиться «поближе к своим», однако эти районы нельзя считать чем-то вроде гетто для малоимущих, что часто встречается в районах, заселенных иммигрантскими этническими общинами. Вьетнамцы стремятся создавать вокруг себя ареал того, что у нас принято называть средой среднего класса.

Вьетнамцы выступают очень сплоченной этнической общиной, что обусловлено в первую очередь медленным приспособлением к новой среде обитания. Трудности интеграции в австралийское общество способствуют сохранению прочных связей с родиной, что придает вьет-

намской диаспоре в значительной мере транснациональный характер. Стремление вьетнамцев иметь дело только со своими соплеменниками нередко приводит к организации несколькими семьями общего семейно-дружественного бизнеса.

История китайского населения в Австралии имеет схожую историю с тем, что происходило в США в XIX в. Китайцы попали на пятый континент с европейскими фермерами, прибывшими в страну для приобретения и возделывания земли. К 1849 г. в Австралии проживало всего 270 китайцев, однако ситуация изменилась в середине XIX в. с началом «золотой лихорадки». По данным первой переписи населения, в 1881 г. 1,6 % всего населения страны были китайцами, что на тот момент составляло 38,533 человек. Однако ввиду дискриминационной политики «Белой Австралии» в последующие десятилетия китайцам был закрыт доступ в страну, и их численность начала падать. Новый рост китайской диаспоры начался только в последней трети XX в. Сегодня на территории Австралии проживают 699 тыс. китайцев.

Как и повсюду в мире, в Мельбурне и в других городах штата Виктория существуют чайна-тауны, которые выступают в качестве своего рода центров азиатской культуры [Inglis 1972: 266–281]. В Мельбурне чайна-таун расположен на улице Бёрк, причем он считается одним из первых чайна-таунов в мире. Компактное поселение китайцев в Мельбурне возникло еще в XIX в., когда в штат Виктория приехали золотоискатели из Китая. Именно здесь спешили осесть все новоприбывшие китайские иммигранты. До сих пор для многих китайцев, приезжающих в Викторию, первое место жительства — это мельбурнский чайна-таун.

Китайцы открывают маленькие ресторанчики и магазины, ассортимент которых состоит исключительно из традиционных товаров, будь то лечебные травы или привычная для китайцев еда: рис, специи, китайская вермишель, табак, чай и т.п. Благодаря такому роду деятельности китайцы более всего подвержены транснационализму, так как подобная торговля невозможна без связей со страной происхождения.

В Австралии весьма ощутима разница между китайцами с материка и китайцами из Гонконга. Эта разница столь велика, что в этническом контексте обе общины принято разделять. По данным переписи населения за 2001 г., в Австралии проживает 67 тыс. человек, рожденных в Гонконге. Территориальные предпочтения можно выявить по тем же данным: в штате Виктория проживает примерно 17 тыс. человек, в Южном Уэльсе — 38 тыс. человек [Community Information Summary. Hong Kong*-born...].

Благодаря исторически сложившимся связям с англичанами вчерашние жители Гонконга быстрее привыкают к английскому языку, приспосабливаются к жизни в обществе западного типа и легче находят работу. Стоит отметить, что благодаря экономическому развитию Гонконга уроженцы острова обладают некоей предпринимательской жилкой. Также по сравнению с иммигрантами из других стран уровень образования иммигрантов из Гонконга очень высок. Однако, оставаясь в культурном плане китайцами, гонконгцы стараются поддерживать связь с родиной и многочисленными родственниками, а их активная предпринимательская деятельность, включающая, как правило, экономические связи со своей исторической родиной, превращает выходцев из Гонконга в Австралии в своего рода «транснациональных мостостроителей». Гонконгцы активно наводят экономические мосты между Австралией и своей родиной.

Транснациональный характер восточноазиатских общин в Австралии и связанное с ним стремление перетянуть в Австралию своих родственников по линии воссоединения семей усложняет для Правительства Австралийского Союза задачу контроля над миграцией. При этом следует иметь в виду, что в будущем объемы миграции не только не уменьшатся, но и увеличатся, и транснациональный характер восточноазиатских иммигрантских общин будет только возрастать. Это порождает не только ряд юридических проблем в осуществлении миграционной политики, но и может вызвать определенное напряжение в международных отношениях в австралийском обществе в целом. Появляется также ряд проблем внешнеполитического характера: правительства многих стран-доноров разрешают своим гражданам иметь двойное гражданство и пытаются использовать это обстоятельство в своих интересах, строя, например, по-новому экономические и политические отношения со странами-реципиентами, где проживают их граждане.

Процессы, придающие все более транснациональный характер миграции населения в современном мире, так же как и последствия этого явления, нуждаются в дальнейшем тщательном осмыслении и исследовании.

Abella M.I. Asian Migrant and Contract Workers in the Middle East // The Cambridge Survey of World Migration. Cambridge, 1995. P. 418–423.

Castles S. Migration as a factor in social transformation in East Asia // Conference on Migration and Development Princeton University, 4–6 May 2000. URL: www.childtrafficking.com/Docs/castles_2000_migration_as.pdf (Дата обращения: 21.03.2009).

Census 2001 to 2006 — Key Changes // Melbourne City Research. URL: http://www.futuremelbourne.com.au/wiki/pub/FMPlan/S3Resources/City_of_Melbourne_Population_Estimates_-_Analysis_of_Housing_and_Population_2001_-_2006.doc. (Дата обращения: 16.03.2009).

City of Melbourne 2006 Multicultural Community Demographic Profile. June, 2008 // Melbourne City Research. URL: www.melbourne.vic.gov.au. (Дата обращения: 1.04.2009).

Community Information Summary. Hong Kong*-born. Historical Background. Australian Government. Department of Immigration and Citizenship. URL: http://www.immi.gov.au/media/publications/statistics/comm-sum/_pdf/hongkong.pdf (Дата обращения: 26.03.2009).

Faist T. Transnationalization in international migration: implications for the study of citizen-ship and culture // Transnational Communities Programme. URL: http://www.transcomm.ox.ac.uk/working_papers/faist.pdf (Дата обращения: 30.03.2009).

Inglis C. Chinese in Australia // *International Migration Review*. 1972. Vol. 6. № 3. P. 266–281.

Jakubowicz A. Vietnamese in Australia: a generation of settlement and adaptation. // *Making multicultural Australia*. URL: <http://www.multiculturalaustralia.edu.au/> (Дата обращения: 8.04.2009).

Levitt P., Nyberg-Sorensen N. The transnational turn in migration studies // *Global migration perspectives*. URL: [http://www.gcim.org/gmp/Global Migration Perspectives No 6.pdf](http://www.gcim.org/gmp/Global_Migration_Perspectives_No_6.pdf) (Дата обращения: 14.02.2009).

Philippines-born Community Information Summary // Australian Government. URL: http://www.immi.gov.au/media/publications/statistics/.../_pdf/philippines.pdf (Дата обращения: 16.03.2009).

Portes A., Guarnizo L.E., Landolt P. The study of transnationalism: pitfalls and promise of an emergent research field // *Ethnic and Racial Studies*. March 1999. Vol. 22. № 2.